

W 38
10
А. М. ПЕШКОВСКИЙ

СБОРНИК СТАТЕЙ

МЕТОДИКА РОДНОГО ЯЗЫКА,
ЛИНГВИСТИКА,
СТИЛИСТИКА,
ПОЭТИКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД — МОСКВА
1925

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
В чем же, наконец, сущность формальной грамматики?	5
— Правописание и грамматика в их взаимоотношениях в школе	32 ✓
— Вопрос о «вопросах»	43 ✓
• К вопросу о проведении в жизнь «программы рабочих факультетов по русскому языку» при преподавании грамматики	60 ✓
• Синтаксис в школе	76
- ✓ Объективная и нормативная точка зрения на язык	109
• Понятие отдельного слова	122
— Глагольность, как выразительное средство	141
✓ Стихи и проза с лингвистической точки зрения	153
Десять тысяч звуков	167 ✓
Приложения	182

Десять тысяч звуков.

(Опыт звуковой характеристики русского языка, как основы для эфонических исследований.)

В последнее время в трудах по поэтике очень много внимания уделяется звуковому составу поэтических произведений. Так называемая «звуковая инструментовка» признана одним из основных композиционных стержней. В отдельных стихотворениях и частях стихотворений обнаруживается индивидуальный подбор звуков и индивидуальное их расположение, и обе эти черты, удачно или неудачно, приводятся в связь то с содержанием данного произведения, то с общими законами благозвучия и благоритмики, чем и доказывается органичность данной звуковой индивидуальности. При этом отправными пунктами подобного рода исследований всегда служат две идеи: 1) идея о *преобладании* в данном тексте того или иного звука или той или иной категории звуков, 2) идея об особом композиционно-оправдываемом *размещении* этих преобладающих элементов на протяжении всего стихотворения. Отсюда и выражение: «инструментовка на такой-то звук» или «такие-то звуки». В иных случаях, там, где дело идет о так называемой «звуковой живописи», ограничиваются даже только первой стороной: указывают на преобладание того или иного звука (или категории звуков) и прямо связывают это преобладание с содержанием. При таких условиях исследователю поэтического произведения чрезвычайно полезно было бы иметь хоть какую-нибудь объективную мерку для установления самого факта преобладания того или иного звука. Между тем такой объективной мерки у него нет. Он не знает, каков *обычный, некопозиционный процент* употребления данного звука в речи. Он судит исключительно интуитивно, на слух (если, что еще хуже, не на глаз). Ему *кажется*, что такого-то звука в тексте «много», а такого-то «мало». Методологически это совершенно то же, что обычные житейские обобщения на основании 2-х, 3-х фактов (например, утверждение после встречи с 3-мя погребальными процессиями в течение одного дня, что «вся Москва перемерла»). Конечно, интуиция часто угадывает истину. Конечно, в знаменитом стихе: «чуть слышно, бесшумно шуршат камыши» процент звука *ш* непомерно

часть (6 на 29, т.-е. 20,69% вместо обычных 2,52%, см. табл. 1), так же, как и в известной польской шутке; *nie pierzci, Pietrze, wierzga* и т. д. Подобным же образом и человек, попавший в зачумленный край (продолжая предыдущее сравнение), справедливо заметил бы без всякой статистики, по одним частым встречам с похоронами, что дело неладно. Однако, отсутствие объективной базы, поскольку речь идет о науке, терпимо быть не может. Оно грозит ошибками субъективного свойства, с одной стороны, и ускользанием из поля наблюдения целого ряда фактов — с другой. В самом деле, интуитивно отмечается только такого рода преобладание, которое так сказать «бьет в уши». Преобладание средней степени может остаться незамеченным. Далее, *степень* преобладания остается во всяком случае неизвестной. А между тем для сравнения отдельных произведений между собой и отдельных «инструментовок» между собой она должна иметь большое значение.

Все эти соображения побудили пишущего эти строки проделать статистическую работу над звуковым составом разговорно-литературной русской речи. Работа эта связана с рядом принципиальных и технических вопросов, так что необходимо, прежде чем приступить к изложению результатов, подробно описать методы и общий план ее.

Прежде всего сомнение может вызывать целесообразность выбранного для подсчета числа звуков. Почему 10.000, а не большее число? Звуковой состав каждого разговора и каждой фразы зависит, конечно, от звукового состава слов, в них входящих. А звуковой состав слов зависит от *содержания* данного разговора. Это заставит многих, может быть, даже усомниться в возможности вообще статистического обследования языка. «Там, где много говорят о хлебе (в деревне, например)», — скажут они, — «будут часто повторяться звуки *х*, *л* и *б*, а там, где много говорят о поэзии, будут повторяться *п* и *з*. Какая же тут возможна закономерность?» Другие, менее решительные, под влиянием таких же опасений, скажут априорно, что 10-тысячного подсчета для такого явления как язык совершенно недостаточно. Конечно, такая аргументация, упоминаемая мною только потому, что она встречалась мне как возражение даже из среды ученых лингвистов, обнаруживает полное незнание со статистическим методом. На самом деле, самый беглый подсчет показывает, что в области звуков мы имеем как раз блестящий пример проявления закона больших чисел и притом на ничтожном сравнительно материале. Вот, например, процент гласных, в десяти сотнях одной из подсчитанных десяти тысяч: 1) 41, 2) 42, 3) 40, 4) 37, 5) 41, 6) 39, 7) 45, 8) 42, 9) 46, 10) 45. Не трудно заметить определенную устойчивость этих чисел. Колебания не так уже велики: от 37 до 46. Арифметическое среднее из всех 10 чисел даст 41,8%. А результат моего подсчета 10.000 звуков — 42,35%. Таким образом, если бы

я взял вместо 10.000 всего одну тысячу, я ошибся бы по сравнению с данным исследованием всего на 0,55%. А если бы взял одну сотню, то в самом несчастном случае (4-я сотня) ошибся бы всего на 5,35%! И это при условии перебегающего с темы на тему разговора и даже просто отрывочных, подслушанных в толпе фраз, как читатель убедится из ниже помещаемого текста (см. прил. 2-е)! Ясно, что мы имеем дело с чрезвычайно наглядным для статистического метода материалом: основные звуковые пропорции намечаются уже в первой попавшейся сотне звуков. И, пожалуй, более справедливое возражение мне может быть сделано с противоположной стороны: зачем я подсчитывал так много звуков. На это у меня имелись особые соображения.

Прежде всего вышеуказанная устойчивость проявляется в сотнях только по отношению к целым категориям звуков (как гласные и согласные), но еще не к отдельным фонемам. Так, например, в тех же сотнях звук *и* (безударное) встречается в следующих числах: 1) 1, 2) 6, 3) 4, 4) 3, 5) 5, 6) 1, 7) 3, 8) 3, 9) 6, 10) 3. Ясно, что колебания от 1 до 6 не то же, что от 37 до 46 (несмотря на абсолютно-большую амплитуду во втором случае), что никаких «больших чисел» здесь еще нет, и никакие статистические выводы невозможны. А так как основной моей целью было определение частоты каждой отдельной фонемы, то выход за пределы сотни был неизбежен. Далее, так как некоторые звуки очень редки, и даже на материале тысячи звуков встречаются мало (так, например, звук *ж* от 3-х до 17 раз на тысячу, *ѣ* от 3-х до 15 раз, см. табл. I-ю), то, чтобы получить для них большое число, необходимо было выйти уже и за пределы тысячи. Правда, есть звуки, которые так редки, что и в 10.000 звуков почти или совсем не встретились (*ѣ*, т.-е. звонкое фрикативное *г*, встретилось всего четыре раза, а аффрикаты *ѣз* и *ѣж* не встретились ни разу). Но таких звуков оказалось уже так мало (всего упомянутые 3), что ради них не стоило нагромождать материал, который для них должен быть огромен (см. табл. I, где скачок от предпоследнего по редкости *ж* до последнего *ѣ* крайне велик: 88—4). Повидимому, чтобы получить для *ѣ* такое же большое число, какое здесь получено для *ж*, пришлось бы подсчитать 200.000 звуков. Это для всех остальных звуков совершенно не нужно. Поэтому я предпочел оставить под сомнением найденный процент *ѣ* (0,04) и совершенно неизвестными проценты *ѣз* и *ѣж*, ограничившись общей уверенностью, что звуки эти чрезвычайно редки.

Другим соображением, толкавшим меня на столь большое число, как 10.000, был тот специально эвфонический уклон данного исследования, о котором еще не раз придется говорить. Для сравнения русского языка с другими языками достаточны более приблизительные величины. Но при сравнении отдельных разновидностей русского языка между собой (например, стихо-

творного с художественно-прозаическим или с научным или разговорно-литературным), для которого эта работа пытается подготовить почву, различия могут оказаться так невелики, что для вскрытия их будет необходима большая точность чисел.

Само собой разумеется, что десятичное число избрано для удобства вычисления процентов. Благодаря ему все итоги этой работы представляют одновременно и проценты, и абсолютные величины. Для получения вторых из первых надо только везде зачеркнуть запятые.

Теперь перехожу к важнейшему — к приемам фонетической записи.

Материал записи — обыденная, разговорная речь русского интеллигента и полуинтеллигента. Запись делалась дословно, целыми фразами, в момент разговора. Само собой разумеется, что в виду скорости речи приходилось выхватывать памятью отдельные фразы, выпуская другие. Вот почему разговоры эти производят бессвязное впечатление, хотя основную тему, по большей части, уловить можно. В некоторых случаях, впрочем, бессвязность получилась еще большая вследствие свойства самого материала. Именно одна тысяча звуков (3-я) подсчитана на отдельных фразах, взятых из моих синтаксических записей, фразах, заинтересовавших меня спорадически в течение последних 15 лет своей синтаксической стороной и не имеющих между собой никакой связи. В нескольких других случаях бессвязность создавалась тем, что записывались реплики от разных групп разговаривающих одновременно. Объясняется это тем, что все записи (кроме вышеупомянутой 3-й тысячи) делались в местах общественных: в общежитии Наркомпроса (Харьков, 1920 год), в вагоне железной дороги (подмосковный дачный поезд в 1923 году и поезд Москва-Ростов в 1924 г.), в больнице (Москва 1924 г.). Так как для статистических целей важно разнообразие материала, то бессвязность, на мой взгляд, недостатка не составляет. Напротив, связная, вопросно-ответная форма записи представляла бы известный минус в виду частого повторения одних и тех же слов в вопросах и ответах.

Хотя записывалась, как уже сказано, речь разговорная и даже чаще всего полуинтеллигентская, однако при фактической обработке (первоначальные записи делались для скорости нефонетически), она просеивалась через *орфоэпическое сито*. Подсчитана не та речь, которая фактически была услышана, а та, которая теми же словами и фразами была бы сказана с эстрады или трибуны. Причиной такой переработки слышанного был всё тот же литературно-эфонический уклон работы. Ведь при исследовании звукового состава отдельных литературных произведений, поскольку оно будет опираться на данную работу, важно будет выяснить своеобразие самого подбора звуков, а не те отличия, которые создаются всяким эстрадным произношением по сравнению с скороговорочным. Всякое литературное

произведение можно произнести скороговоркой и получить огромную фонетическую разницу, но не в этом совсем тут дело. Следовательно, имело смысл не усложнять предстоящих сравнений этим привходящим элементом скорого и небрежного произношения в разговорной речи. Напротив, необходимо было создать для этого будущего сравнения положение *ceteris paribus*. Диалектическим же примесям уже и по лингвистическим соображениям не было места в работе, направленной на исследование специально литературного наречия. Вот почему слышанное и подвергалось коренной переработке. Приведу несколько примеров ее. Несмотря на богатство разговорной речи, слоговыми согласными звуками, ни один из них не попал в запись. Даже такие случаи, как суффикс-*тель*, который в разговорной речи *всегда* произносится со слоговым ^бл (учи^бтельница, предусмотрит^бльный и т. д.), выписывались в эстрадной форме. Далее, конечные *т* и *д* перед начальными *с* и *з* выписывались не как аффрикаты («воц сад», «водз завод»), а как *т* и *д* («вот сад», «вод завод»), несмотря на то, что разговорная речь пользуется здесь исключительно аффрикатами. Далее, те же конечные *т* и *д* после *с* и *з* и перед начальными согласными не выпускались, как это обычно делается в разговорной речи («ес веревка», гвоз^б большой»), а выписывались («есть веревка», гвоздь большой»), и только в *одном* случае, перед *ш*, произведен выпуск («ес^б только»), так как произношение двух *ш* здесь уже и для эстрады представлялось невыносимым. Таким же образом и твердые прилагательные мужского рода все кончаются у меня на *ый* (доб^брый, ум^бный), хотя в настоящее время, к сожалению, уже почти все говорят «доб^брый», «ум^бный»: в словах «бога» и «богатый» транскрибируется, как *г*, *ш* всегда = «и^б и^б» и т. д. Далее, по тем же соображениям из двух разновидностей литературного произношения орфографических *е*, *я* и *а* (после шипящих) неударяемых, именно из звуков *э* и *и*, выбран первый, хотя фактически слышался везде 2-й (слышалось «висна», «бигу», «пиримена», а писалось «ве^и сна». «бе^и гу», не ре^и мена. Второе произношение несомненно более свойственно эстраде и декламации. Кроме того, тут действовало еще и то соображение, что второе произношение хронологически *старше*. Есть все основания думать, что Пушкин и его эпоха произносили еще «ве^и сна». А так как максимум эфонических изучений приходится как раз на пушкинский период, то имело смысл и здесь взять из современности то, что ближе

подходит к Пушкину. Отмечу попутно, что выбор ^иэ вместо ^и имел большие последствия не только для самих этих звуков, но и для звука ^ий. Именно, все глагольные формы, столь частые в языке, транскрибировались уже с ним (читай^иэ ш, знай^иэ т), тогда как для «йкающего» произношения их пришлось бы транскрибировать без ^ий: читайш, знайт.

Особо следует оговорить те случаи, где две разновидности литературного произношения представлялись одинаково пригодными для эстрады. Сюда относятся две категории фактов:

1) Ассимилятивное смягчение согласных. Эти случаи представляли наибольшие трудности для транскрипции. Что считать

орфоэпическим: «армия» или «ар^ьмия», «вместе» или «в^ьместе»,

«общественный» или «общес^ьтвенный»? Здесь я пользовался по большей части советами и указаниями лингвиста, специально занимающегося сейчас вопросами орфоэпии, Д. Н. Ушакова, которому и пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность. 2) Безударное или ударное произношение таких слов, которые то бывают так называемыми «прислонками», то имеют самостоятельное ударение и значение. Таких слов очень много, и это как раз самые частые слова в разговорной речи: все падежи, числа и роды слов «я», «ты», «он», «тот», «этот», «сам», «весь», «кто», «что», слова «где», «там», «здесь», «вот», «даже», «тоже», «если», «или», разные формы от глагола связки («был», «будет») и др. Здесь я руководился главным образом памятью, так как ритмо-мелодическую форму фразы (а с ней и все ударения) гораздо легче запомнить, чем отдельные звуки, и всё записанное звучало у меня в ушах со всеми ударениями. Таким образом, здесь я дал место сырому факту, исправляя его лишь в исключительных случаях.

Второй особенностью записи является ее нарочитая *приблизительность, упрощенность*. Всякая работа может производиться и годы и месяцы. Для данной пришлось выбрать второй срок. Это обусловило отсутствие многих деталей. Так, например, факуальные и латеральные *т* и *д* особо не подсчитывались. Особенно об этом приходится пожалеть в случаях мяг-

кости этих *т* и *д* (сегод^ьня, сот^ьня и т. д.), так как в этих случаях эти звуки особенно разнятся от обычных *т^ь* и *д^ь* — что мягкость тут однако есть, доказывается ясно сужением

предыдущего э: «см^ь э тливый», а не «см^ь этливый» и смягчением предыдущих согласных: «талан^ь тливый», а не «талантливый»). Далее, звуки *и* и неслоговое *и* соединены в одном *и* и неслоговом (на письме *й*). Здесь мне приходится оправдывать

не столько самое соединение (различение этих 2-х звуков при современном состоянии вопроса потребовало бы отдельного предварительного исследования), сколько выбор именно *и* неслогового, а не *й*-а. Объясняется он тем, что даже в нашем общепринятом йоте (т.-е. перед ударным гласным: «яма», «есть» и т. д.) нет на мой слух того настоящего йота, который звучит в немецких *ja*, *jubeln* и т. д. Это какой-то «йотообразный» звук, как признаёт и большинство исследователей. А раз мы на одной стороне имеем самое несомненное *и* неслоговое, притом чрезвычайно частое (во всех прилагательных: добрый для имен. мужск. рода и род.-дат.-твор.-предложного женского, добрый для имен. женск. и средн. рода доброй, добрей, и в огромном большинстве глаголов: читаю, умею, рисую, т.-е. во всех на *аю*-, *ею*-, *ую*), а на другой гораздо более редкий и не настоящий *й*, то ясно, что фактическое положение дела более было бы извращено слиянием этих звуков в одном *й*-е, чем в одном *й*. Правда, выделение *й* осложнило деление звуков на гласные и согласные. Лингвистически *й* звук определенно гласный. Эвфонически он во многих случаях должен присчитываться к согласным (основания см. ниже). Но мне кажется, что, выделив этот звук в особую группу, я тем самым предоставляю полную свободу эвфонистам; захотят они — они будут считать при пользовании моей работой этот звук за гласный, захотят — за согласный.

Еще большие неточности пришлось допустить в обозначении всех остальных гласных. Различаются только следующие гласные: *а*, *о*, *у*, *ы*, *ь*, *и*, *э*, *и*, *э*. Таким образом гласный *й* признаваемый довольно часто в современной лингвистике в таких случаях как «пять», «вялить» и т. д. (между 2-мя мягкими) и гласные лабиализованные среднего и переднего рядов (в таких случаях, как «тётя», «гуляю» и т. д.) игнорируются (первый приравнивается к *а*, вторые к *о* и *у*). Вызвано это, главным образом, недостаточной разработанностью вопроса в литературе. Мне казалось непоследовательным резко выделять случаи нахождения задних гласных между 2-мя мягкими, как особые и притом совершенно передние звуки, и совсем не отмечать тех отличий, какие создаются в них одной только предшествующей мягкостью («тётка», «пятый»). На самом деле, конечно, в обоих случаях происходит продвижение заднего гласного вперед, но степень продвижения пока еще совершенно не определена. Я очень сомневаюсь, чтобы даже в таком общепризнанном случае как «пять» и «вялить» здесь звучал тот самый звук, что в английском *map*, *that* и т. д. Что же касается лабиализованных звуков незадных рядов, то их квалификация и условия появления еще настолько не выяснены, что включение их наполнило бы работу субъективностью. Кроме того, большую роль сыграло и то соображение, что чем торжественнее и отчетливее речь, тем это продвижение вперед меньше, и наоборот.

чем «разговорнее» так сказать, тем больше. А так как я кладу в основу речь эстрадную, то ошибка выйдет меньше, чем при обычной транскрипции. По этому же плану и гласный *ъ* не обозначается мной как *л*, в таких случаях как «поле», «доброе» и т. д. Продвижение вперед здесь такое же и настолько же мало определенное, как в «тетка» и «тетя». Однако, так как продвижение гласного вперед имеет несомненное эвфоническое значение в смысле уменьшения звучности с одной стороны и повышения тембра с другой, то я пытаюсь ослабить последствия такого упрощения специальным подсчетом мягких согласных по их умягчительному влиянию на соседние гласные (см. таблицу IV).

Гласные напряженные и ненапряженные тоже не различаются (в том числе, ради последовательности и *а* напряженное и ненапряженное, как в «мель» — «мел», хотя это различие, конечно, не представляло бы уже никакого труда). Думается, что различие ударных и безударных гласных с одной стороны и только что упомянутое различие действительной мягкости согласных с другой в значительной мере покрывает и эту ошибку.

Едва ли не самым трудным вопросом транскрипции был вопрос об обозначении долгих согласных (длинный, масса и т. д.). Лингвистически это несомненно отдельные звуки, отличающиеся только своей длительностью. Но эвфонически они никак не могут быть приравнены при подсчете к обычным, кратким, согласным. Ясно, что *звуковое наполнение* текста в случаях как: «донна» и «Дона» или «высший» и «выше» не одно и то же: в первом случае *увеличена* сонорность, во втором шумность. И если бы даже высчитывать эти звуки как одиночные, но с каким-то особым привеском, то потом, при количественном сравнении отдельных разрядов данного текста или отдельных текстов между собой, все равно пришлось бы как-нибудь количественно определить этот привесок. Чтобы не усложнять этих последующих расчетов, я в конце концов, решил определить их количественно при самом подсчете и, за неимением другого выхода, посчитал каждый долгий согласный за *два* звука. Впрочем, это было необходимо уже и по одному тому, что отдельно подсчитывались твердые и мягкие согласные, а ведь долгие согласные часто бывают как раз в одной половине своей твердыми, а в другой мягкими (сравн. при слиянии слов: «у нас сидели», «гусь сошел», в 1-м случае 1-я половина тверда, а 2-я мягка, во 2-м наоборот). Посчитать такой долгий согласный за один значило бы окончательно запутать подсчет мягких и твердых, вводя разряды «твердо-мягких» и «мягко-твердых». То же и по всем тем же причинам пришлось проделать и со всеми долгими взрывными («оттащить» и т. д.), хотя здесь-то уже одиночность звука бьет в уши. Но так как продление времени затвора вызывает здесь усиленную не менее чем вдвое артикуляцию взрыва и соответственно усиленный звук, то с эвфонической стороны такая схематизация представляется оправданной.

Замечу, кстати, что такое же удвоение проведено и при слиянии конечных *m* и *ð* с начальными *ч* и *ц* («воц человек», «гоц целый»). где произношение *m* при отсутствии паузы мне казалось даже для эстрады невозможным. Само собой разумеется, что это не 2 *ч* и не 2 *ц*, а только *ч* и *ц* «долгие» в условном смысле этого термина ¹⁾.

Однако, полное игнорирование долгих согласных, как отдельных фонем, с лингвистической точки зрения все-таки не могло быть терпимо. Ведь наличие таких согласных представляет важную характерную черту русского языка (сравн., например, полное отсутствие таких согласных во французском). Поэтому наряду с подсчетом таких звуков в раздробленном надвое виде они подсчитаны и как единицы (см. таблицу V. согласные краткие и долгие), при чем пришлось, конечно, процентное отношение определять в общем порядке, для 10.000 звуков (хотя если эти согласные считать за единицы, то подсчитано не 10.000, а 9.862).

Подобное же противоречие лингвистического и эвфонического подхода приходится отметить и в рубрикации *и* неслогового. Хотя и физиологически и акустически это самый обычный гласный (если отвлечься от случаев приближения его к йоту), но в смысле *ритмического и звукового заполнения* он, благодаря своей неслоговости, вполне приравнивается к согласным. Поэтому вполне прав будет, думается, тот эвфонист, который при пользовании настоящим трудом переделает таблицу V в том направлении, что в п. I, 1 прибавит *й* к согласным, в п.п. III, 2 и 3 прибавит его к сонорным согласным (хотя *й* — шумный) и в п. III, 4 — к мягким согласным. Кое в чем и мне уже пришлось так поступить: в разрядах гласных *й* не принято во внимание, а в делении согласных на долгие и краткие посчитан и один встретившийся случай долгого *й* (какой *йз* во).

Относительно подсчитанных в таблице V разрядов звуков нужно сказать, что они рассчитаны, главным образом, на сравнение звукового материала разговорной речи с материалом поэтической по признаку большей или меньшей *тональной насыщенности*. Известно, что звуки речи в этом отношении делятся на 4 основные разряда (гласные, сонорные согласные, звонкие шумные и глухие шумные). Так как наиболее интересным представляется мне вопрос, различаются ли хоть сколько-нибудь в пропорциях этих четырех групп разные виды литературной речи друг от друга и от разговорной речи, то подсчету этих групп

¹⁾ Нужно еще отметить, что при раздельно-ритмическом произношении таких сочетаний, т.е. при полном равенстве ударений в обоих словах, усиление *ч* и *ц* может быть ничтожно, и дело сводится в сущности к обычным *ч* и *ц* с предшествующими *немным m*, т.е. с паузой затвора на их месте. Но транскрибировать и вводить в подсчет подобное пустое место было уже совершенно невозможно.

было уделено особое внимание. Замечу кстати, что студенческие подсчеты литературных текстов, представленные мне в большом количестве в качестве семинарских работ за последние два года, определенно намечают преобладание сонорных согласных в художественной речи. С другой стороны, чисто морфологическое отличие одних видов литературной речи от других (например, преобладание причастий на *щий* и *вший* в прозаической речи и почти полное отсутствие их в стихотворной) тоже делает априорно-вероятными различия в этом пункте. Но должен сознаться, что общая количественная оценка степени голосовости, или тональной насыщенности, данного текста, являющаяся как раз наиболее интересной, представляется мне делом почти недостижимо-трудным. Ведь при явном преобладании, например, сонорных согласных над шумными, глухие шумные в то же время могут сверх нормы преобладать над звонкими шумными или, например, согласные над гласными или безударные гласные над ударными. Хотелось бы создать тут какой-нибудь коэффициент «звучности», но вряд ли это возможно.

Разумеется, кроме выведенных в таблице V, разрядов из основных таблиц (I и II) могут быть выведены и некоторые другие.

Перехожу к краткому описанию и объяснению отдельных таблиц.

Таблица I дает общий список звуков в порядке убывающей частоты. В отличие от последующих таблиц здесь даны числа не только для всех 10.000, но и отдельно по тысячам. Сделано это с тем расчетом, что при исследовании отдельного литературного произведения может оказаться нужда не только в средних числах, но и в возможных максимумах и минимумах. Интересно было бы, например, отметить преобладание в том или ином тексте того или иного звука не только против средней нормы, но и против максимума. Кроме того, я хотел познакомить читателя с размерами колебаний по отдельным тысячам, чтобы дать ему представление об устойчивости изучаемых величин. Мы видим, что колебания сравнительно невелики, и что они, что важнее всего, в тысячах *гораздо меньше, чем в сотнях*. Так, например, звук *а* колеблется по сотням одной из подсчитанных тысяч так: 14, 10, 8, 10, 10, 12, 13, 10, 13, 11. Отношение между наибольшим и наименьшим числом $= \frac{14}{8} = 1,75$. Тогда как в тысячах то же отношение, как показывает таблица $= \frac{119}{98} = 1,21$ (с точностью до $\frac{1}{100}$). Звук *ъ* колеблется по сотням так: 7, 7, 6, 8, 10, 7, 10, 4, 5, 10. Отношение наибольшего числа к наименьшему $= \frac{10}{4} = 2,5$. Для тысяч то же отношение $= \frac{109}{71} = 1,53$. И так далее. Отсюда вполне законно предпо-

жение, что при продолжении подсчета колебания между отдельными десятками тысяч были бы уже совсем незначительны, т.-е. что наши конечные величины довольно точны.

Переходя к сравнению отдельных звуков речи по частости, мы прежде всего констатируем, что они распределены в нашем языке далеко не равномерно. Так, например, звук *а* встречается приблизительно в 2 раза чаще, чем *и*, в три раза чаще чем *в*, в 4 раза чаще чем *м*, в 5 раз чаще чем *ы*, в 10 раз чаще чем *ж*, в 12 раз чаще чем *ю* и в 269 раз чаще чем *г*. Далее, находим, что числа частоты употребления образуют постепенно убывающий ряд, в котором каждое число лишь ничтожно отличается от предыдущего и от последующего. Резких скачков вообще не наблюдается, за исключением перехода от предпоследнего звука (*ю*) к последнему (*г*). Здесь получается огромный скачок: звук этот в 22 раза реже своего предыдущего, тогда как все остальные менее чем в $1\frac{1}{2}$ раза реже своих предыдущих. Процент

не попавших в таблицу *дз* и *дж* нам неизвестен, но уже одно их отсутствие вместе с вышеупомянутым скачком уполномочивает нас разделить все звуки речи по частости на 2 разряда: на более или менее обычные и необычные (*г*, *дз* и *дж*). Причина необычности этих трех звуков понятна: они употребляются *только в конце слов в связной речи* (*г* кроме того в 5—6 случаях и внутри слов). Поэтому наиболее правильно будет исключить из сравнения *г* и объединить все остальные 28 звуков таблицы в один ряд, заканчивающийся звуком *ю*. Отношение между членами этого ряда даёт таблица II. Из нее мы видим, что постепенность убывания членов ряда сравнительно более нарушается только в двух местах: при переходе от *з* к *ж* (первый из них почти в $1\frac{1}{2}$ раза чаще второго) и в самом начале таблицы при переходе от *а* к *ъ* (1-й в 1,3 раза чаще 2-го). 1-й из этих скачков может дать основание к выделению звуков, начиная с *ж* (*ж*, *ц*, *г*, *ф*, *ю*) в подгруппу более редких. 2-й скачок показывает, что наш язык является в высшей степени *акающим*: *а* не только чаще всех остальных звуков, не только чаще многих из них вместе взятых (так, например, *б*, *ч*, *з*, *л*, *ц*, *г*, *ф*, *ю*, вместе взятые, реже *а*), но и чаще следующего за ними звука (*ъ*) настолько, что первенство осталось бы за ним несомненно и при *всех* дальнейших подсчетах. Этого нельзя сказать, конечно, про таких соседей ряда, которые лишь ничтожно отличаются друг от друга. Мы не можем, например, быть уверенными, что *д* сохранит свое 11-е место, а *р* свое 12-е при всех дальнейших подсчетах. Преобладание 1-го над 2-м так ничтожно (отношение = 1,02), что как ни малы должны быть отклонения от наших чисел при переходе к следующему десятку тысяч, они могут заставить эти звуки поменяться местами; или такое *почти* равенство может превратиться в полное равенство, какое имеет, например, место и в нашем десятке тысяч для *д* и *ц*, (отношение = 1)

Более надежную иерархию звуков даёт в этом отношении таблица III, так как здесь гласные и согласные сгруппированы отдельно. Здесь уже мы можем быть вполне уверены, что не только *а* сохранит за собой всегда первое место, но и *ъ* между *гласными* всегда будет 2-м, *и* — всегда 3-м, *э*^и всегда 4-м. Дальше идут 2 гласных, которые и здесь так близки друг к другу, что их можно рассматривать как равные (*у* и *о*). И, наконец, предпоследним всегда будет *э*, последним *ы*. Звук этот для *гласных* вообще очень редок: в общей таблице он занимает 20-е место, тогда как предшествующий ему гласный *э* — 14-е, *о* и *у* — 10-е и 9-е, *э*^и — 6-е *и* — 5-е. Для гласных не мешает еще заметить, что при «икающем» произношении (фактически сейчас гораздо более распространенном, чем произношение на *э*^и) картина сильно меняется; *а*, правда, остается попрежнему и столь же решительно на 1-м месте, но 2-м по частости будет тогда уже *и* (9,99%), 3-м — *ъ* (8,28%), после которого наступает резкий скачок (из-за выпадения *э*^и и разрастания *и*): *у* — 3,92%, и далее уже интервалы не велики. Таким образом при икающем произношении таблица гласных совершенно меняет свой характер: вместо постепенного ряда образуются две резко различных группы гласных. На одной стороне очень частые *а*, *и*, *ъ*, а на другой стороне редкие *у*, *о*, *э*, *ы*. Такой вокализм может быть уже охарактеризован не только как акающий, но и как икающий и ъкающий. Среди согласных, при сгруппировании их в отдельную таблицу, преобладание некоторых звуков над соседними тоже приобретает резко выраженный характер: *т* решительно занимает 1-е место, *н* — 2-е, *с* — 3-е. Эти 3 звука могут образовать даже группу особенно частых согласных (как *а*, *и*, *ъ* особенно частых гласных при икании), так как после них имеется порядочный скачок, а дальше (начиная с *л*) идет весьма постепенное убывание (кроме скачка перед *ж*, о котором смотри выше). Эта же таблица включает в себе данные о безударности и ударности гласных и о твердости и мягкости согласных. Относительно первых надо прежде всего заметить, что преобладание безударности над ударностью оказалось меньше, чем можно было бы подумать а priori (26,70% безударных и 15,65% ударных). Это объясняется, конечно, с одной стороны, обилием односложных слов в разговорной речи, из которых многие очень часто имеют ударения (например, часто повторяющиеся вопросительные «кто» и «что», далее: «вот», «ну», «пусть», «эх», «ах», «а» и др.), а с другой стороны, отсутствием в житейском языке длинных многосложных слов, как причастия, отглагольные существительные и др. Надо думать, что в этом пункте разница между разными видами литературной речи будет огромная; так, например, преобладание многосложных слов в научном языке сделает преобладание безударности над ударностью, несомненно,

гораздо более резко выраженным. Поскольку многие безударные гласные отличаются полуглухостью, постольку такой вокализм будет менее музыкален, чем вокализм разговорной речи. С другой стороны, в стихотворной речи соотношение это будет зависеть от того или иного размера, и в трехдолжных стихах, например, безударных, будет равно (или почти равно) вдвое больше чем ударных. Относительно безударности и ударности отдельных гласных следует заметить, что безударность и в отдельных гласных преобладает над ударностью (кроме *о* и *э*, о которых см. ниже); но степень преобладания для различных гласных различна. Для *а* безударность и ударность почти равны, тогда как для *и*, *у* и *ы* безударность приблизительно вдвое чаще ударности; звуки *ъ* и *ь*, само собой разумеется, всегда безударны (случай с союзом «шть» под ударением не встретился ни разу), а звуки *о* и *э* почти всегда ударны. Однако, частое употребление прислонок «он», «этот» и некоторых других, сохраняющих и при безударности свои *о* и *э*, дало всё же некоторое количество безударности и для этих звуков (0,29% и 0,20%). Переходим к твердости и мягкости согласных. Мягкость согласных, как известно, является резкой характеристической чертой балтославянских языков и среди них прежде всего русского. Поэтому небезынтересно будет отметить, что и в русском языке мягкие согласные все-таки более, чем вдвое реже, чем твердые (16,47% мягких и 37,66% твердых). При этом для отдельных согласных это соотношение складывается очень различно. В то время, как, например, мягкое *ж* более, чем в 50 раз реже твердого, а мягкое *з* более чем в 12 раз реже твердого, мягкое *л* всего в 1,16 раза реже твердого, т.е. в сущности почти равно по частоте твердому. Соответственно и убывающая последовательность для мягких согласных совсем не та, что для твердых. Здесь получается следующий ряд: *н, т, л, ч, с, р, д, в, ш, ж, п, б, к, з, ф, г, эк, х*. Мы видим, что одни согласные, по сравнению с основной последовательностью продвинулись вперед, другие назад, третьи остались на том же месте. К первым принадлежат: *н, л, ч, д, ш, г, ф, эк*. Ко вторым: *т, с, р, в, п, к, з, х*. На месте остались: *м, б, з*. Продвижение вперед *н* и *л* объясняется, конечно, историческими причинами: сохранением всех йотовых смягчений (правда, они сохранялись и для *р*, но для него они уже и в пра-славянском языке были сравнительно редки), а для *л* кроме того и элевым смягчением губных. Соответственно *л* и является вообще из всех мягких наименее уступающим своему твердому противню по численности и в отдельных тысячах оно нередко даже превышало *л* твердое (один раз то же было и с *н*). Продвижение вперед *ч* объясняется тем, что вся эта шифра падает здесь на мягкость. Продвижение вперед *ш* — сравнительно высокой частотой *щ* (*ш^б ш^в*).

Редкость мягких *г, к, х* объясняется, конечно, тем, что они бывают мягки только перед 2-мя гласными, *и* и *э*, а остальные согласные перед всеми. Наконец вышешем тот же ряд в порядке возрастающей разницы между твердостью и мягкостью (цифра в скобках показывает, во сколько раз первая чаще второй): *л* (1,16), *д* (1,17), *р* (1,53), *н* (1,72), *ш* (1,93), *с* (1,98), *б* (2,26), *т* (2,76), *в* (3,06), *з* (3,11), *м* (3,25), *п* (4,45), *ж* (7,58), *ф* (9,33), *г* (12,71), *жс* (28,33), *х* (50,5). Относительно последних 4-х надо еще добавить, что цифры их мягкости ненадежны, так как слишком малы. Мы можем приравнять эти 4 звука в их мягкой разновидности к звукам γ , $\widehat{дз}$ и $\widehat{длж}$ и повторить о них то же, что говорилось выше об этих 3-х звуках. В самом деле $ж^b$ встретилось в 10 тысячах звуков всего 2 раза, $жс^b$ — 3 раза, $л^b$ — 7 раз, $ф^b$ — 9 раз, тогда как следующий в ряду звук — $з^b$ — уже 37 раз.

В таблице IV ограничусь только указанием на то, что 4-й столбец не является простой суммой предыдущих трех столбцов, а подсчитывает общую сумму *воздействий* мягких согласных на гласные, почему цифры 3-го столбца и вошли в эту сумму в *удвоенном* виде.

Таблица V показывает соотношения главнейших разрядов звуков. Из нее мы видим, что согласные чаще, чем гласные (если прибавить к согласным *й*, то почти в 1½ раза), длительные (куда входят и гласные и фрикативные согласные) чаще, чем мгновенные (немного больше, чем в 3½ раза), сонорные (куда входят и гласные и сонорные согласные) чаще, чем шумные (почти в 2 раза), голосовые чаще, чем безголосные (почти в 3 раза) и ротовые чаще, чем носовые (почти в 11 раз). Среди гласных безударные, как уже упоминалось, чаще ударных; по месту горизонтального продвижения языка задние преобладают над передними, а передние над средними; по степени подъема средние над верхними, верхние над нижними и нижние над средне-верхними ($э^H$); наконец нелабиализованные резко преобладают над лабиализованными (почти в 5 раз). Среди согласных фрикативные преобладают над взрывными (почти в 2 раза), шумные над сонорными (тоже почти в 2 раза), твердые над мягкими (см. выше), долгие над краткими (приблизительно в 40 раз), простые над слитными (приблизительно в 20 раз); из 3-х разрядов по отношению к голосу шумные глухие преобладают над сонорными, а сонорные над звонкими глухими; из 4-х разрядов по месту образования на 1-м месте стоят нёбно-зубные, затем идут губные, затем задне-нёбные и, наконец, средне-нёбные.

Огромное большинство этих соотношений в своем основном направлении, конечно, свойственно всем языкам человеческим. Так, во всех языках, надо полагать, согласные чаще гласных (или, по крайней мере, неслоговые звуки чаще слоговых), безударные гласные чаще ударных, голосовые звуки чаще безголосных (так как иначе речь не была бы слышна на обычном расстоянии), ротовые чаще носовых, краткие — долгих, твердые — мягких и т. д. Однако, в самых пропорциях преобладания одних категорий над другими могут оказываться большие различия как между отдельными языками, так и для литературных языков, между отдельными литературными жанрами. Приведу для примера свой подсчет *глухих* согласных в первой тысяче звуков «Евгения Онегина», «Фауста» и «Божественной Комедии». В «Божественной Комедии» их оказалось в круглых цифрах 18%, в «Евгении Онегине» 20% и в «Фаусте» — 24 %. Мы видим, что с одной стороны речь «Евгения Онегина» резко отличается от русской разговорно-литературной речи (25,5%), так как разговорная речь «шумнее», а «Онегин» «звучнее» в этом пункте на 5,5%, с другой стороны, итальянский и немецкий языки от русского (итальянский «звучнее» на 2%, немецкий «шумнее» на 4%). Аналогичные подсчеты для разных языков и разных литературных жанров представили бы большой интерес.

Таблица III.

Согласные.

	Гласные.		Ударн. удари.	Без- ударн.	Всего.
	а	б			
а	5,19	5,60	10,79		
б		8,28	8,28		
в	1,53	3,79	5,32		
г		4,67	4,67		
д	1,41	2,51	3,92		
е	3,56	0,29	3,85		
ё	3,23	0,20	3,43		
з	0,73	1,36	2,09		
Итого	15,65	26,70	42,35		
и	—	—	4,12		
Итого	15,65	26,70	46,47		

Гласные.

	Гласные.		Ударн. удари.	Без- ударн.	Всего.
	а	б			
а	5,57	2,02	7,59		
б	3,90	2,27	6,17		
в	3,03	1,53	4,56		
г	2,02	1,73	3,75		
д	2,21	1,46	3,70		
е	2,72	0,59	3,31		
ё	2,38	0,33	3,26		
з	1,59	1,36	2,95		
Итого	2,36	0,53	2,89		
и	2,08	0,64	2,72		
о	1,66	0,86	2,52		
п	1,20	0,53	1,73		
р	—	1,69	1,69		
с	1,15	0,37	1,52		
т	1,01	0,02	1,03		
у	1,03	—	1,03		
ф	0,89	0,07	0,96		
х	0,81	0,09	0,93		
ц	0,85	0,03	0,88		
ч	0,04	—	0,04		
Итого	37,06	16,47	53,53		

Таблица II.

число, чем в в 1,3 раза.

а	б	в	г	д	е	ё	з	и	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч
1,09	1,23	1,16	1,14	1,02	1,11	1,05	1,05	1,11	1,06	1,08	1,21	1,15	1,11	1,47	1,07	1,03	1,06	

Таблица IV.

Умгачительное воздействие мягких
неслоговых звуков на соседние
гласные.

	На посл.	На предш.	На оба.	Всего.
т ^в	0,42	0,69	0,40	1,91
н ^в	0,67	0,75	0,51	2,44
с ^в	0,41	0,66	0,24	1,55
м ^в	0,32	0,74	0,21	1,48
р ^в	0,30	0,46	0,35	1,46
з ^в	0,27	0,13	0,26	0,92
к ^в	0,03	0,15	0,01	0,20
д ^в	0,46	0,35	0,44	1,69
п ^в	0,13	0,16	0,13	0,55
м ^в	0,16	0,17	0,25	0,83
ш ^в	0,31	0,29	—	0,60
ж ^в	0,10	0,05	0,30	0,75
ч ^в	0,48	0,54	0,55	2,12
з ^в	0,04	0,14	0,05	0,28
х ^в	0,01	—	—	0,01
г ^в	0,02	0,02	—	0,04
ф ^в	0,01	0,05	0,03	0,12
ж ^в	0,01	0,01	—	0,02
и	1,03	0,91	1,94	5,82
Итого	5,18	6,27	5,67	22,79

Таблица V.

I. Количественные соотношения отдельных разрядов звуков
между собой.

- 1) Гласные, согласные и ш 42,35 : 53,53 : 4,12
- 2) Длительные и мгновенные (взрывные) 77,60 : 22,10
- 3) Сонорные, включая й, и шумные 62,81 : 37,19
- 4) Голосовые и безголосные 74,50 : 25,50
- 5) Ротовые и носовые (н и м) 91,11 : 8,89

II. Отдельные разряды гласных (слоговых)

- 1) Ударные и безударные 15,65 : 26,70
- 2) Заднего, среднего и переднего рядов 18,50 : 10,37 : 13,42
- 3) Нижнего, среднего (ы и э), средне-верхнего (ю) и верхнего подъяма 10,79 : 15,50 : 4,67 : 11,33
- 4) Лабиализованные и неллабиализованные 7,77 : 34,53

III. Отдельные разряды согласных.

- 1) Фрикативные и взрывные 31,43 : 22,10
- 2) Сонорные и шумные 16,34 : 37,19
- 3) Сонорные, включая шумные и глухие шумные 16,34 : 11,69 : 25,10
- 4) Твердые и мягкие (без ж) 37,09 : 16,47
- 5) Долгие, включая долгие й, и краткие 1,38 (2,76) : 50,77
- 6) Простые и сложные (и и ч) 50,81 : 2,72
- 7) Задненёбные, средненёбные (н, з, ш) перед
э и и, небнозубные и губные 4,82 : 0,47 : 30,36 : 11,88

ПРИЛОЖЕНИЕ II (текст) ¹⁾.

1-я тысяча.

Можно обойтись без бывших офицеров. Потом будут забраны для прохождения действительной, что ли, службы. Элемент такой, на которого нельзя положиться. Высший состав армии. А как Брусилов в Москве, какое значение имеет? Он имеет право совещательного голоса. А вы в какой части войска служили? Ох, если не будет, мы тебе взбучку на пасхе дадим. Мы на пасху чаю ведро поганое возьмем на станции. Эх, морока одна, больше ничего. В особенности вот в чайной. Чуть ли не на каждой улице чайная. Заходишь в чайную как юмористическую газету читаешь. К нам приехали семьдесят германцев рабочих. Завтра я буду в военном комиссариате. Уже записался на учет. А я ж должен быть на учете, как военнообязанный. Ну так вас отпустили, как сосуна. Женитесь, товарищ Золин, так легче будет. Сначала нас вызвали в декабре. Потом частичная демобилизация. Там, например, чтобы получать табак по карточке... Что подписью и приложением печати удостоверяется. Рабочим фунт хлеба в день. Один фунт на три дня. По сравнению с столовыми учреждениями там завтрака и ужина нет. Так что там жить можно? Я там некоторое время служил, за семьсот рублей. Четыре щетки, что ли. Когда все сотрудники получают щетки! А потом там рынки были все закрыты. Ну, и какие разгово(ры там бывают?)

2-я тысяча.

(Ну, и какие разгово)ры там бывают? А спроси, какой его дурак женил. Вот, на тебе на обед. Пойдешь, пару ботинок получишь и обед. Товарищи, курить запрещается! Так нет еще чаю? В девять часов закипит. Это вас не касается. Не боится

¹⁾ Напоминаем (см. стр. 170), что нижеследующий текст представляет собой дословную запись обыденной разговорной речи русского интеллигента и полуинтеллигента, сделанную автором в самый момент разговора в разное время (1920 г., 1923 г., 1924 г.) и в разных местах (Харьков, вагон жел. дороги, Москва).

ногу отрубит, а? Понимаешь ты, хотел кисет вынуть из кармана, и опасно! У тебя табаку же ведь нету! Товарищ, уходите отсюда сейчас же! Я, брат, уже ночи три не сплю. А может и раньше отпустят. Какие года сейчас отпускают? Я ж тоже у Врангеля был. Потому что у нас дома замка нет. Дайте мне одну луковицу! Я сам из Минской губернии, но теперь из Екатеринослава. Хорошая цибуля! Особенно еще завтра учреждения не работают... Что это вас разобрало? У вас спички есть? Там я ходил чай пить... Тут почему лук? Раньше я брал три с половиной тыщи венков. Я сюда как приехал, так я этого хлеба наперся. Я на несколько минут, за своими делами... Тогда давайте, я только сейчас по телефону. До свиданья, Клава! Приятного аппетита! Так что ж она говорит? Это в котором году? В университетском здании. Где помещается историко-филологический факультет? Тут на углу есть вывесочка. Где-нибудь архив, конечно, есть. А учебный округ где помещается? Мне хочется что-нибудь такого... Я сегодня пошла за маслом подсолнечным... Говорят, семь с половиной сливочное масло... Вы еще (не уехали?)

3-я тысяча.

Жалко, он в университете не читает. Глеб, ты что будешь, чай или кофе? Что ты будешь? Самые худшие поезда в это время. А на поле как хорошо мы были! И вы даже заметили, что «вам этого не полагается». В следующем проходе... самом ближайшем к нам. Берет три-четыре собаки и ведет их. Я их ненавидела никогда. Я люблю раки без супу. Со вчера дорога попортилась. На больше времени. Интересно знать, что Южин, какого мнения сам о своих произведениях. Эгоист она большой. Говорит, что помрет, но на будущий год себе непременно автомобиль купит. К нему кто-то пришли. Прибыть-то одну минуту! Зачем выцветает? Дайте-ка мне матерью, я тут оставил. Мне начинает хотеться есть. Я потом их пойду выхлопаю. Ты что, не выспался? Он идет смотреть свои рыбы. Там стреляют — кого? Молодые, так они темненькие, а старые, так они серые. Он хороший аккомпаниатор считается. Четыре человека вынянчила. Когда-то читал эти романы... масса... Это со вчера здесь? Все надо ткнуть! Вы думали, что правда съели все? Он горным инженером. Они ушли вместе с моей дочерью. Мне снилось, что снег. Один епископ его курский анафеме предал. Однако, голодно! Она не гладкая снаружи. Я ему скажу, что, если он хочет, чтоб подождал. Я под самый экипаж... всегда, когда дорога... Пирог все не хотел подходить. Он испортился, этот гамак.)

4-я тысяча.

Он сначала упирался, потом убедил я его... Он потом был в президиуме исполкома. Комиссар докладывает, что надо вводить запрет. Я, значит, произношу речь. Говорит, что вопрос снимается, неуместный. Как только Буденый ушел... А талантливый парень Буденый, типа наполеоновских маршалов. Легко относился ко всяким вещам. И вот его сделали начэваком. Вообще, это интересная история. Он, значит, взял да выгнал. Потом спохватился, что это дело все-таки плохое. Он рабочий Донбасса. Мне кажется, что он кадровый. Буденый хорошо говорит? Положение обязывает, знаете. Я в таких случаях очень внимательно... стараюсь, так сказать, уловить нужду... стараюсь поймать... Двенадцать верст... полчаса езды. В этом роде. Что сад, перепыхивался когда-нибудь? Парк-то перепыхивался? Два раза я его перепыхивал. Он очень запущен был. По нем пошла такая растительность, как на запущенных лугах. Подпор-то очень сильный, ну и, значит, вода идет по скату. Там, ведь эта вся площадка усадебная, она вся насыпная, и очень высоко насыпная. Дивная вода. Родниковая, глубокий родник. Якунчиковские заводы... брата неевского владельца... Какая интересная комбинация, не знаю, читали вы или нет, что за войну проделала Америка. Один сорт — и точка. Это упрощает страшно произво(дство.)

5-я тысяча.

...(произво)дство. Ведь тут их бесконечное количество сортов. Ну уж кому-кому, а рабочему работать на таких фабриках... Там просто обезьян разводить и приучать. Ничего человеческого не нужно. Там подходят баржи с торфом. Лебедки подходят, собираются в такие... пасти, что ли... Женщины ему рассказывают, что у них тут есть общественный врач. Накладывает себе, ест, оплачивает... Все, государственные, общественные, частные — все. Обстановка вся вместе, скотина вся вместе. Да, это верно. На заграничный транспорт хлеба я смотрю, понимаете ли, немножко иначе. Я в этом нисколько не сомневаюсь. Я рассуждаю совершенно беспристрастно. Я краха Советской России совершенно не представляю. Брожение будет до тех пор, пока будет существовать человечество. Что называть бедным и что называть богатым. В этом виноваты не мы, вероятно. Нет, наверно, мы. Раньше этого не было. С газетами отстали. Нет, еще один мелюзга летит вон там. Э, не догнали, вон туда полетела газета! Нет, мне лучше конфетку. Уж так и быть, я дипломную работу

по путешествию напишу, насчет газет. Какое безобразие! Что она мешает? Разве тучи? Перистые облака, не дождевые. Наказать тебя за это? За что? Трешь и трешь! Мельницы видала? Толчеи. Чтоб он отделился от волокон. Ну, а как же волокна-то, не разме(льчат?).

6-я тысяча.

(...не разме)льчат? Слушай, а где у нас ножик, а? Ты вчерашний день искал, наверно. Пусть валяется! Ой, я уже предчувствую! Здесь, слушай, смотри, здесь песчаник. Слава богу как открывать я не знаю! Что они, заразились что ли все? Это нужно весьма сильное крушение. Которые люди учились, может хотели что-нибудь создать, их совсем не нужно. А было время их расстреливали. Что ж я с ней буду... нянчиться? Я вытираю, а он опять на мокрое кладет. Я его так и делаю. Для предосторожности заверни ее! Так и оставь ее! Удостоверенье личности где у нас? Ты взял! Ты собирай, собирай, свои дела делай! А кому ты говоришь? Слушай, Ян, а ты нож туда убрал? Только по полу не валяй! Давай, подержу! Когда вы приедете, чтоб вы написали письмо обязательно. Я вам завидую, что вы едете. Ой, я б хотела ехать! Митя пусть напишет, идем! Ой, папа, папа, идите сюда! Поклон передавайте, большой-большой, всем-всем! Я понимаю, но я ж не имею права, Володя! Какой следующий номер? Она устала и не спала целую ночь. Так что глас народа — это есть всё. Здесь я наблюдаю такую историю: рабочий работает восемнадцать и двадцать часов. Мельница останавливается, начинают ремонтировать эту мельницу. У нас семьдесят пять процентов рабочих, которые совершенно не знакомы так сказать с рабочими законами. В среде нашего през(идиума...).

7-я тысяча.

Послушайте, что это за ерунда. Толстой, оказывается, совсем плохо пишет! Кладут на эту мокрую простыню. Во время кризиса, так я почувствовал, что правая рука мне начала болеть. Я говорю, вы знаете, найдите мне кофе стакан. Принесли мне целую булку белую. И с тех пор, вообще, такой порядок. Особенно люблю я этот борщ: щавелевый. Не хватит двенадцати золотников. Мне полагалось полтора фунта хлеба. Там неправильные весы. Там обвешивают, на базаре. Вот мы керосин, например, помню. Не возьму я этот хлеб. Тут не полтора фунта. А тогда записывали отстающих. Получите за март месяц коробку спичек и фунт сахару. Я говорю вот про них лично. А мне нужно было на собрание спешить. Думаю, сегодня

Золин, наверно, никуда не спешит. А! было время на военной службе! А ведь они варят по наитию. Только ты все-таки даёшь: оставлять нельзя. В девятнадцатом году вино было. Так я его не уважал в первый раз. Что это вы начертили? Они наматываются спиралью. Вот теперь он сгорел, этот самый аппарат. Опять обводи другим карандашом. Я себе сделал, знаешь, какие. Лень наперед родилась. Как всегда полагается, знаешь? Разомни помельче, я сейчас сахару достану. Ну, сидят, в карты играют там. Посидели (чаю напились...)

8-я тысяча.

Я удивляюсь: вы вот человек взрослый, проживший много... Попов, а что ж там дают в воскресниках? Вот в баню сходить, это да! Пойдем, старина, завтра. Лучше нету, как дома в печку влезешь... Я поставил тебе соль, Золин! Какая у вас каша? Значит, у меня карточка есть только на один обед. Я об этом не знал, что мне поставили звоночек. Это только легче станвится, как на живот ляжешь. Значит, придется доехать этим поездом до Никитовки? А из Никитовки до Зверева верст семьдесят будет? Ну, это хорошая шапочка! Я сказал сейчас же, но они меня сбили с панталыку. Ему стыдно было не дать папирос и сахару. А вот подите узнайте, так он получил хлеб. В Сибири, где-то он служил... Да, он был на фронте, понимаете ли... Что же вы спрятались так? Дайте, я хочу вас видеть... Даже стал есть, тогда можно заняться как следует... Вот великолепно! Ну, это, конечно, не стоит. Вот сейчас это и будем делать. Материал огромный. Это к кому относится? Тут ошибка произошла. Как раз когда у них было тайное совещание. Слушайте, не давайте ему прикурить! Сто рублей берешь за табачницу? Кому на поезд ехать? Триста рублей денег всего капитала. Тебе есть что загнать. Скажите, пожалуйста, зачем он кольцо носит? Мне фуфайку надо загонять. Нарочно прислушивался, обратил внимание. Там же лихачи мобилизованы. Я не езд(ил на извозчиках...)

9-я тысяча.

Что-то спать хочется все-таки. Сейчас приедем. Свалка не мешает? Никаких свалок нет. Палатки стоят рядом. Они начинают с утра летать. У нас есть такой очень забавный маленький мальчик во дворе. Собственно говоря, не так давно еще это считалось равноценным смертности... Чем его стукнуло, куском мачты или пропеллером? А потом, вижу, падает. Хорошо, что он перелетел через толпу. Они там три дерева сломали. А бензином полил в толпу, говорят. А теперь на

следующей станции будем чай пить; на следующей остановке. Спрошу, на каком ты основании... По сему случаю заварить надо обязательно. Да, но ты, пожалуйста, деньги ей дай, потому что... Деньги никогда не испортятся, если их есть, а если их нет, так они, действительно, попортятся. Ну что ж чай-то? Остыл уже, а я заваривать только начинаю. Нет, я вот съела этот соленый огурец, пить хочется. Где, в Харькове? Нет, ничего подобного. В восемь часов только будете в Белгороде. Семь часов хода до Харькова. Так что, простите, я вам не поверю. Паровоз уже прицепили. Значит, уже это, которая бригада у нас была, она ушла. Значит, без остановки семьдесят три версты будем ехать. Это рожь называется! По семьдесят верст каждая остановка. Сейчас двадцать минут четвертого. Ты пьешь или нет? Конечно, пью. Слушай, знаешь что, пожалуйста пер(е)делай...

10-я тысяча.

(...пер)еделай мне фамилию. Этой я не умею писать. Человек очень ученый стала, читаю. смотри! Как вам нравится южная дорога, как везет, ничего? Только коптит здорово. Угльное отопление. Ведь это же дым, а не пыль! Тебе скучнее, потому что ты лежишь отдыхаешь. А чего же делать в дороге? Я не знаю, чего больше, чего же делать? Так что ж из этого? А! Первая часть! Не желаю я с тобой разговаривать! Ах, на кого я похожа-то! А поди спроси, кто разбил, ты того спроси. Еле-еле ползет. Подумать можно, что он правда читает. Или на курение, или на обертывание. Махорочники! Ведь весь-то клоп, а бежит: газетку! Скоро плешивая буду. Я остригусь скоро. Ну, я виновата? Эх-ма! кабы денег сума — да? Ты читать будешь? А на что тебе, покурить, что ль, да? Папиросы может быть лучше? Чего ж говорит, давай скорее! Он манны небесной ждет, газету. Хватит недели на две и так! Потому что сейчас Ржава — Варшава. А надоедает все-таки ехать, кругосветное путешествие! Нужно написать записки путешественника. Ты с каждым днем худеешь. Вы к товарищу Езерскому? Он еще не начал приема. Люся, ты читала вот эту книгу? Он просил у него разрешенья. Вам пятьдесят полагается человек, все равно. Я б хотела испытать три ночи! Куда это вы ходили? И в вагонах теперь в настоящее время очень тесно. Имя отчество ваше? Садитесь, Веро(чка)!

ОБРАЗЕЦ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ.

1-я тысяча.

Можно абайт из б э з быфшых аф ицэрѣх. Патом будут
забрены д л э прѣхажд эн ий д э сй т в йт э л ный шт ол и
службы. Э л э м эн т такой нѣ каторѣвъ н э л э а пѣлажыщѣ.
Вышшый састаф ар м ии. А кѣг Брус йлѣх в Маскв э, какой
знач эн ий им эйэ т? Он ым эйэ т правѣ сѣв эш ш ат э л
нѣвъ голѣсъ. А вы ф какой ч ас т и войск служыл и? Ох,
йэс ли н э буд э т, мы т э б э взбѣч ку на пас хэ дад им.
Мы на пасху ч айу в э дро паганѣй ваз м ъм на станцыи. Эх,
марокѣ адна, бол шѣ н ич э во. В асѣб э ннѣс т и вѣт ф
ч айный. Ч ѣт л и н э на каждѣй ѣл ицы ч айный. Заход иш
ф ч айнуу, кѣк йумѣр ис т ч э скуу газ эту ч ит айэ ш.
К нам пр ийэхл и с э м д э с ѣд г э р мѣнцѣф рабѣч их.
Зафтрѣ йѣ буду в вайэннѣм кѣм ис сѣр иат э. Ужэ зѣл исѣлсѣ
нѣ уч ѣт. А йа жѣ должын бѣт нѣ уч ѣт э какѣ вайэнѣа ѣ
зѣннѣй. Ну тѣк вас атп ус т ил и, кѣкѣ сѣсуна. Жын йт э с.
та|вар иж Зѣл ин, тѣк л эхч э буд э т. Снач ѣлѣ нас выз-
вѣл и в д э кабр э. Патом ч э с т ич нѣй дѣмѣо ил изащѣй.
Там, нѣпр им эр, штѣбы пѣлуч ат табѣк па картѣч к э...
Штѣ потп ис йу и пр илажэн ийэ м п э ч ат и удѣстѣв э р-
айэ щѣ. Рабѣч им фѣнт хл эбѣ в д эн. Ад ин фѣнт нѣ тр и
д н ѣ. Пѣ срѣавн эн йу с сталѣвым и уч р э жд эн ийѣм и там
зафтрѣкѣ и ѣжынѣ н э т. Так штѣ там жѣт можнѣ? Йа там
н экѣтѣрѣй в р эм ѣ служыл э с э мѣдѣт рубл эй. Ч э-
тѣр э ш ш ѣтк и, штѣл и. Кѣгдѣ ф сѣ сатрѣд н ик и пѣлу-
ч айут ш ш ѣтк и! А патом там рынѣк и бѣл и фс э закрьты.
Ну, и как ии рѣзгавѣ(ры там бѣвайут?)